

*Моим поклонникам.
Если бы не вы,
этой книги бы не было.*

1

Я постучала в дверь. Выкрашенная в белый цвет фанера задрожала. Я терпеливо ждала приглашения, но изнутри не доносилось ни звука.

Я постучала вновь. Снова тишина.

В конце концов я не выдержала. Сильнее поколотила в дверь, дернула дверную ручку и просунула голову в кабинет.

— Можно? — спросила я и, не дожидаясь ответа, нагло вошла внутрь.

Женщина, сидевшая за простым металлическим столом, смерила меня мрачным взглядом и отхлебнула кофе из кружки. Приоткрытое окно, за которым виднелась лишь ослепительная белизна, запахнулось шире. Морозный сквозняк ударил мне прямо в лицо. Я почувствовала на глазах слезы.

— Входите... — угрюмо пробормотала она.

Это прозвучало так, будто она процедила: «Ну, раз уж вам так невтерпеж...»

Уверенности ради я еще раз посмотрела на дверную табличку. Ошибки не было. «Справочный отдел». Я смело закрыла за собой дверь.

Служащая критическим взглядом окинула мои сапоги на высоком каблуке и сочетающееся с ними бордовое пальто. Сама она была одета в довольно бесформенный костюм в серую полоску. Она нахмурилась; ее взгляд был полон зависти.

Одета я была тепло, но меня все равно пробила дрожь. В кабинете царила чрезвычайно низкая температура. Разве она этого не чувствовала? Я посмотрела на ее морщинистое лицо. Ах да... менопауза и горячие приливы.

Я села на стул, который оказался чертовски неудобным, и лучезарно улыбнулась чиновнице. В конце концов, это не ее вина, что у нее такой кошмарный костюм и работа. Стены грязно-желтоватого цвета наверняка не действовали на ее нервы благоприятно. Точно так же, как и дешевые акварели и засохший папоротник на подоконнике, который давно нужно было уже не поливать, а выкинуть в мусорное ведро.

Я уже не говорю об этих неудобных металлических стульях.

— Здравствуйте, — сказала я. — У меня есть вопрос...

— Я что, справочный отдел? — Она снова громко отхлебнула кофе.

Я прочистила горло, чтобы сдержаться от язвительно-го замечания, и все-таки задала ей вопросы, которые заранее сформулировала и скрупулезно записала на листке. Мне не хотелось ничего упустить, раз уж я наконец взяла себя в руки, чтобы посетить это унылое место.

Женщина смотрела на меня исподлобья. Отставила кружку на заляпанную столешницу и начала поигрывать печатью. На некоторых заявлениях и документах, лежавших перед ней, были следы от красной печати и пятна от кофе.

Вместо того чтобы ответить хоть на один из моих вопросов, чиновница потянулась к ящику и протянула мне маленькую книжечку.

— Здесь вы найдете всю необходимую информацию по заполнению всех полей формы, — ответила она на мои слова. — А теперь прошу прощения, но у меня обещанный перерыв. До свидания.

Удивившись, я несколько раз открывала и закрывала рот. Не знала, как реагировать на такое наглое поведение. За кого она себя принимает?

Не говоря ни слова, я сжала в руке книжку и вышла, не преминув при этом хлопнуть дверью. Услышала грохот цветочного горшка. Кажется, сквозняк распахнул окно еще шире, и папоротник свалился. Вот незадача...

Брошюру, которую она мне вручила, я выбросила в мусорку. Такая у меня уже была — это тот же тип справочников, что и различные руководства по эксплуатации электрических приборов. Нормальный человек не поймет их даже со словарем правильной польской речи. Для такого рода инструкций нужен был довольно высокий, худой парень с редкой щетиной и в толстых, как бутылочное стеклышко, очках. Ботаник.

Я плотнее закуталась в пальто, направляясь к выходу из здания. На улице я еще раз взглянула на дверь.

Темно-синяя надпись «Налоговая служба» наполовину была запорошена снегом.

Я никогда раньше не была в этом месте, но после этого визита возненавидела его. Как я и предполагала, внесение личного подоходного налога оказалось занятием мне не по силам.

Снег бил мне прямо в лицо. Очередная погодная аномалия в этом году. Сначала жаркая осень, затем прохладная весна. Холодный ветер сразу же нашел все щели в моей одежде. Я задрожала.

Направилась к парковке, где стояла моя любимая машинка. Я мечтала забраться внутрь, в тепло, и включить печку. В городе у меня оставалось еще несколько важных дел.

Где же моя машина? Я остановилась, растерянно оглядываясь по сторонам. Все машины были покрыты белыми одеяльцами и выглядели одинаково.

А, точно. В шестом ряду на парковочном месте номер шесть. Я села в свою побитую серебристую «Корсу», которая досталась мне от брата где-то полтора года назад — он купил себе джип. Мне бы тоже джип, лучше всего такой, со стальными рамами по бокам. Тогда я могла бы спокойно таранить другие машины, а на кузове не оставалось бы никаких царапин.

Я надеялась, что брату джип скоро наскучит и он отдаст его мне.

Еще он вложил деньги в квартиру, в которой теперь жил со своей невестой Натальей. Я с нетерпением ждала их свадьбы. Мне хотелось, чтобы Марек был счастлив. Я улыбнулась своему отражению в зеркале заднего вида. Я была счастлива. У меня был замечательный парень — Петруша.

Я дернула рычаг коробки передач и, оглянувшись назад, нажала на педаль газа. Мимо машины прошел какой-то мужчина в черном, с наброшенным на голову капюшоном. Он сильно склонил голову, чтобы снег не летел ему прямо в лицо. В моей голове снова промелькнула мысль о том, как мне повезло, что я сижу в теплой машине.

Мотор завыл, а «Корса», вместо того чтобы ехать назад, конечно же, поехала вперед. Я нажала на тормоз и закусила губу в ожидании грохота от встречи бампера с металлическим столбиком.

Черт побери! Я опять ошиблась! У меня были проблемы с коробкой передач, но еще больше я терялась на перекрестках, когда нужно одновременно притормозить, переключить передачу, включить поворотник, повернуть руль и посмотреть, не едет ли кто прямо на меня.

Слишком много действий одновременно.

К своему удивлению, звука гнущегося металла я не услышала. Тогда я выскочила из машины и наклонилась перед капотом. Металлический столбик был выгнут горизонтально таким образом, что никак не мог задеть мою машину. Угол изгиба спокойно позволил бы мне над ним проехать.

Я изумленно выпрямилась. Могу поклясться, еще минуту назад перед моей машиной столбик стоял вертикально.

Я провела рукой по бамперу. Никаких вмятин или царапин. Пнула носком ботинка выгнутый столбик. Тот даже не дрогнул, зато у меня заболел большой палец на ноге.

Странно...

Я пожала плечами.

Сев в машину, я наконец-то дала задний ход и медленно выехала на улицу. Зимняя резина буксовала на заснеженном асфальте. Сегодня я не видела ни одной посыпалки песка и никакой снегоуборочной техники. Зима, как обычно, застала врасплох дорожников и городские службы.

Пошел сильный снег. Похоже, назревает настоящий буран.

Я взглянула на значки на приборной панели. Встроенный термометр показывал, что на улице было всего минус шесть градусов.

Снова переведя взгляд на дорогу, я заметила, что прямо передо мной какой-то прохожий выскочил на пешеходный переход на красный свет. Я вдавила в пол педаль тормоза, и заблокированные колеса занесло.

Вдруг руль вырвался у меня из рук. Он быстро закрутился влево, а затем вправо. Я попыталась его остановить, но у меня не хватило сил.

Машина проехала мимо прохожего, который, не обращая на меня внимания, побежал дальше. Я почувствовала, как педаль тормоза отталкивает мою ногу, а педаль газа нажимается сама. Благодаря очередному повороту руля, «Корса» в последний момент миновала ограждение, отделяющее дорогу от трамвайных путей, и въехала на свободное парковочное место.

— Фак, фак, фак, фак, — тихо бормотала я, судорожно сжимая теперь уже бесполезный руль.

Какой-то мужчина вышел из-за дерева, под которым я стояла, и двинулся вперед, даже не обернувшись в мою сторону. Хорошо, что я по крайней мере его не сбила. В пылу борьбы с вырывавшимся рулем я совсем его не заметила.

Красочно одетые прохожие быстро потеряли ко мне интерес. Их гнал вперед морозный северный ветер.

Мотор машины тихо гудел. Теплый воздух скользил по моим щекам, пока я глубоко дышала, пытаюсь успоко-

иться. Я повернулась к пешеходному переходу, с которого уже давно исчез несостоявшийся самоубийца.

Сделала глубокий вдох.

— С сегодняшнего дня я езжу на трамваях, — пробормотала я себе под нос.

Приглушенный свет не мог рассеять мрак, царивший внутри одного варшавского клуба. Мы терпеливо ждали, когда на сцену выйдет новая группа, основанная несколькими студентами.

Напротив меня за столиком сидела моя однокурсница, Моника. Она откинула назад длинные светлые волосы и кокетливо взглянула на Мацека, соседа моего парня. Петр сидел рядом и держал меня за руку под столиком. Я сильнее сжала его пальцы. Он тепло улыбнулся.

Моника посмотрела на меня и на Петрека и надула губы.

— Сколько вы уже встречаетесь? Четыре месяца? — спросила она и, не дожидаясь нашего ответа, ехидно отметила: — Ужасно долго. Наверное, уже успели надоесть друг другу.

Я терпеть ее не могла. Казалось, эта девушка делает все напоказ. Кроме того, она определенно была слишком красивой. Моника прекрасно об этом знала и сознательно пользовалась тем, что дала ей природа, представляя потенциальную опасность для всех влюбленных девушек. А еще у нее был противный характер.

Сегодня мне приходилось терпеть ее присутствие, потому что она напросилась пойти с нами. Услышала, куда мы идем, и нам не удалось от нее отвязаться.

На сцену начали подниматься члены группы.

— У вокалиста шикарный голос, — взволнованно сказал Мацек, друг моего Петрека.

По залу разнесся хриловатый голос. Я бы поспорила насчет его «шикарности».

— Схожу за пивом, — сказал в какой-то момент Петр. — Кому-нибудь взять?

Мацек рьяно замахал рукой.

— Мне с имбирным сиропом, — вставила Моника.

Петрек направился к облепленному людьми бару. Пока его обслужат, пройдет много времени.

Через какое-то время Моника взяла в руки свою сумочку и объявила:

— Я в туалет.

Мы выдохнули с облегчением. Больше десяти минут она рассуждала о том, какая тушь для ресниц лучше, чем успешно заглушала музыку.

Петра все еще не было. Я поднялась со своего места, пытаюсь разглядеть его в толпе веселившихся людей.

— Сейчас вернусь, — сказала я Мацеку, который сидел, уставившись на новую группу как на божество. Наверняка он даже не услышал, что я ему сказала.

Я направилась к бару и прошла мимо дверей в женскую уборную. К моему удивлению, из нее вышел какой-то мужчина и быстро прошел мимо меня, наклонив голову так, чтобы я не видела его лица. Наверное, ему было стыдно, что он ошибся уборной.

В дверях появилась Моника.

— Из женского туалета только что вышел какой-то парень. Видела? — спросила я.

— Нет... — ответила она с отсутствующим выражением лица и пошла к столику.

Я пожала плечами. Мне не было дела до ее странностей. К тому же я наконец-то заметила Петрека — он лавировал между танцевавшими людьми с тремя кружками пива. Казалось, вот-вот кто-нибудь выбьет их у него из рук.

Когда концерт закончился и начали крутить какое-то техно, мы решили пойти домой. Сидеть там и пить дорогое пиво смысла не было. Кроме того, над нашим столиком воцарилась угрюмая атмосфера. Петрек почему-то замолчал, бездумно уставившись на сцену, Мацек потягивал пиво. Даже Моника сидела молча.

Мы взяли свои вещи и направились к ближайшей станции метро. По дороге наша спутница пришла в себя, прижалась к Мацеку и стала восхищаться новым вагоном, в котором мы ехали.

У моего возлюбленного был слегка отсутствующий взгляд. Я сжала его руку.

— Что-то случилось? — спросила я, когда мы оказались недалеко от моего дома.

— Нет, просто голова немного болит, — улыбнулся он. — Вернусь домой и сразу лягу спать.

Вдруг прямо перед моим носом на землю упало длинное черное перо. Мы быстро посмотрели наверх, но над нами не пролетала ни одна птица. Я пожалала плечами.

— Длинное, — лаконично констатировал Петрек.

Он проводил меня до самой двери и подождал, пока я ее открою. Нахмурился и помассировал лоб. Должно быть, голова у него разболелась еще сильнее.

Я прижалась к нему.

— Может, дать тебе обезболивающее? — предложила я.

— Нет, сейчас пройдет. Просто пойду отосплюсь.

— Ну, ладно. Тогда спокойной ночи. — Я поцеловала его в губы.

— Доброй ночи, — ответил он.

Я закрыла за ним дверь и побежала к окну, чтобы посмотреть, как он идет по улице. Разглядела во тьме его высокую фигуру. Он шел, опустив голову и засунув руки в карманы.

Только когда он скрылся за поворотом, я заметила что-то на карнизе и открыла окно.

На нем лежало длинное черное перо.

2

Несколько дней спустя я сидела на чрезвычайно скучных занятиях. На учебу я поехала на трамвае. В тот день, когда меня занесло, я пообещала себе, что снова начну

ездить на машине, только когда растает снег. Рисковать я больше не собиралась.

Делая вид, что внимательно слушаю все, что говорит преподаватель, я изучала инструкцию по заполнению личного подоходного налога.

Ведущая семинара открыла последний слайд презентации, и мы увидели на нем любимую фразу студентов: «Конец. Спасибо за внимание».

Я посмотрела на часы. Следующая лекция начиналась через полчаса. Идти не хотелось. Много я наверняка не пропущу, а Петруша вернулся со своих занятий уже несколько часов как. Я решила поехать к нему.

— Вики, идешь на лекцию? — спросила Зуза, моя лучшая подруга.

— Нет, поеду к Петреку, — ответила я.

— Господи, ты влюбилась в него, как школьница, — прокомментировала она, закатывая глаза.

Я не стала возражать или обижаться. Это была правда. Зуза просто констатировала факт. Факт, с которым я давно смирилась.

Несмотря на снег и слякоть, я шла с улыбкой на губах. Сегодня у меня на носу были очень розовые, очень приторные очки.

И снимать их мне не хотелось. Любовь — странная штука. У нее есть какие-то наркотические свойства.

Я взглянула на часы. В этот час соседка Петрека еще не должно быть дома. Мы будем одни. Прекрасно!

Общественный транспорт сегодня оказался, как никогда, на высоте: только я дошла до остановки, приехал мой автобус. Я довольно уселась на свободное место и поставила ноги на печку. Стекла дребезжали в старом «Икарусе» на каждом повороте, а подвеска скрипела, когда колеса попадали в выбоины.

Я вышла на остановке на Торговой улице, рядом с базаром Ружицкого. Когда-то это было единственное такое место в Варшаве. При коммунистах здесь можно было достать практически все. А сейчас? Десять-пятнадцать грязных прилавков со свадебными

платьями и туфлями — явно не лучшие для базара времена.

Посмотрела на часы. Шестнадцать ноль шесть.

Я спряталась в воротах, ища спасения от снега. Мокрые волосы прилипли к щекам. Рядом со мной, в черном плаще, небрежно расстегнутом у шеи, стоял красивый парень. Он откинул назад широкий капюшон, и снежинки оседали на его волосах и длинных черных ресницах.

Уже какое-то время я довольно часто встречала его на Праге или в центре. Это было довольно необычно, учитывая количество людей, живущих в этом городе.

Я ненавязчиво его оглядывала. На этот раз он не стал укладывать черные волосы в высокий ирокез, и они падали на его удивительные золотистые глаза.

Наверняка это были контактные линзы. Я никогда не встречала людей с таким цветом радужки. Неестественным, но... надо сказать, очень красивым.

На нем не было шарфа, из-под плаща виднелась только черная рубашка. Только капюшон мог защитить его от снега и ветра, но мужчина небрежно скинул его с головы.

Он слегка мне улыбнулся. Я улыбнулась в ответ.

Мы даже побеседовали несколько раз. Однажды он спросил, который час, в другой раз попросил показать ему на карте города, как добраться до площади Спасителя. Интересно, помнил ли он меня.

Я снова взглянула на него. Он меня разглядывал. Заметив мой взгляд, он быстро отвернул голову.

Кроме меня, за ним внимательно наблюдали еще несколько женщин. Все они были разного возраста. Ну, да... Он был чрезвычайно привлекательным.

Еще на шаг я отступила вглубь ворот, чтобы на меня не летел снег. Красавец подошел ко мне.

- Отвратительная погода, правда? — заговорил он.
- Да, — улыбнулась я.
- Но снег сейчас закончится, — заверил он меня.

Я посмотрела на небо и темные тучи. Непохоже, что его слова станут реальностью в ближайшее время.

— Сомневаюсь, — сказала я.

В этот момент снег закончился. Я удивленно посмотрела на парня. На его губах играла загадочная улыбка. Он не смотрел на тучи. Он пожирал глазами меня. Его необыкновенные золотистые глаза заблестели, будто бы в них зажегся огонь. Они буравили меня насквозь.

Мне стало не по себе.

— Как я и говорил, — сказал он.

— Кажется, у тебя там наверху связи, — рассмеялась я.

Его улыбка слегка померкла.

— Скорее, там, внизу... — пробормотал он.

— Что, прости? — Я не расслышала, что он сказал, потому что в этот момент мимо нас с грохотом пронесся оранжевый грузовик.

— Нет, ничего. — Он снова улыбнулся и придвинулся ближе. — Я Белет, а ты?

— Вики, — ответила я. — Белет? Такое экзотическое имя.

— Я не отсюда, — признался он.

Я выглянула на улицу, но моего автобуса не было видно. А до этого все подъезжали по расписанию!

— А откуда? — поинтересовалась я. — Говоришь без акцента.

— Я живу в Польше уже какое-то время, — ответил он.

Его слова шли вразрез с его загорелой оливковой кожей. Он выглядел так, будто только что поднялся с шезлонга на берегу теплого моря и накинул на себя плащ для отвода глаз. Мне даже показалось, будто от него пахнуло солью. Бризом.

Что он делал на Праге?..

— А вообще я родом... с Юга, — колеблясь, ответил он.

— Испания? — спросила я.

Я устыдилась собственного любопытства. Зачем я его расспрашивала?